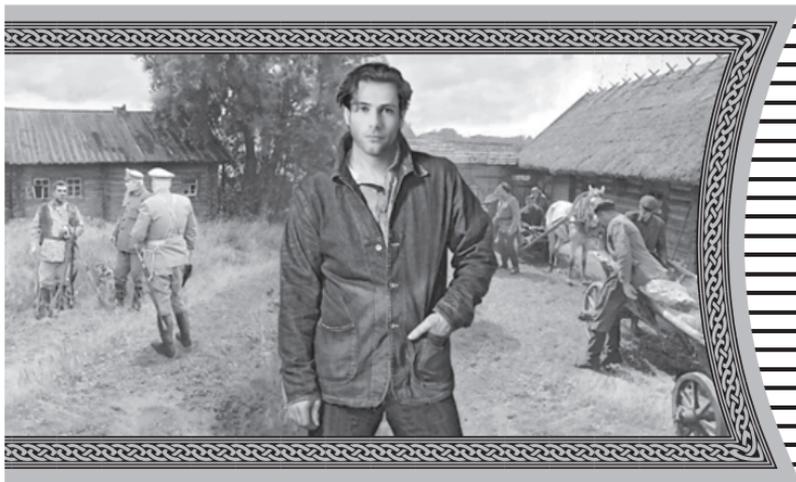

фантастическая
история

МОСКВА, 2012

фантастическая
история

Константин Костинов

Сектант

 ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К72

Костинов К.

К72 Сектант: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 503 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1174-0

1925 год. Ни войн, ни катаклизмов, ни революций — годы созидания, надо строить, а не воевать.

Справится ли с этой задачей житель двадцать первого столетия Сергей Вышинский, сумеет ли обрести себя? Поймет ли он, где очутился? Ведь до того, как провалиться в прошлое, он был самым обычным, не обремененным историческими знаниями менеджером по продажам, участником ролевки, случайно активировавшим найденный в сельском музее магический артефакт.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Константин Костинов, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ISBN 978-5-9922-1174-0

Все действующие лица произведения (за исключением исторических персонажей) являются вымышленными, так же как и город Песков, клуб исторической реконструкции «Вьюга лезвий» и Институт истоков фольклора.

ПРОЛОГ

Вжжии-иих...

Клинок, сверкнув кровавым отблеском, пронесся над головой противника. Неудача...

Красное закатное солнце смотрело сквозь ели на поляну, которую взрывали калигами двое бойцов. Уже поползли по земле длинные тени, тянуло сыростью от ближайшего ручья, только сражающимся было жарко...

Вышата принял на щит удар топора, взмахнул мечом, надеясь достать до ноги, однако Ингвар был слишком опытен, отпрыгнул в сторону и попытался еще раз поразить недруга. Ух... Еле успел отбить щитом. Все-таки Вышата умелым бойцом не был. Опытным — да, уже семь лет как взял в руки меч, отчаянным — да, но вот умения ему всегда недоставало.

Махнул мечом, отскочил. Снова попробовал полоснуть острым железом ворога. Не попал — уклонился... Дело даже не в умении, наверняка здесь, как и в любом ремесле, нужен талант, который дается Богом, и если уж его нет... То быть тебе вечным середняком. Как и всегда. Как и во всем.

Нет никаких сомнений — бой проигран, дальше сражаться — только оружие тупить. Зрителям, окружившим место турнира, уже стало скучно. Вот и Конунг наконец поднял длинный меч:

— Бой выигран Ингваром!

Бойцы опустили оружие. При других обстоятельствах славянская группа загудела бы, что Конунг подсуживает викингам. Только сейчас преимущество Ингвара было ясно видно всем. Да и солнце уже почти село. Хватит, в самом деле. Если бы и вправду сошлись в смертельной битве захватчик-викинг и доблестный славянин, тогда Вышата (в миру — Сергей Вышинский, менеджер мелкой фирмочки) не сдался бы так легко...

Впрочем, будь это настоящий бой, Вышата уже лежал бы с раскроенным черепом. Все-таки правила турниров клубов исторической реконструкции не позволяли оттачивать клинки до боевой остроты. Иначе так и без участников можно остаться. Кто тогда на следующий турнир поедет?

Сергей опустил на чурбан. Меч воткнулся в землю рядом, вода, громко булькая, полилась из фляжки в пересохшее горло. Дернул завязку, удерживавшую волосы в хвосте. Передохнуть, перекусить (от костра пахло пшенной кашей с тушенкой, блюдо не средневековое, однако сытное) — и в палатку... ан нет. Знакомый из соседнего поселка, работающий в местном музее, пригласил на позднюю эксклюзивную экскурсию для ознакомления с сокровищами местного края. Зачем только согласился? Теперь из чистой вежливости придется тащиться несколько километров в эти Загорки, смотреть на ржавые плуги и гильзы, откопанные деревенскими энтузиастами.

— Держи!

На колени плюхнулась глиняная миска, полная желтой ароматной каши, курящейся паром. Сергей вытащил из-за голенища собственноручно вырезанную когда-то чуть кривоватую ложку и начал сноровисто забрасывать пищу в рот, стараясь не размазать ее по длинной бороде.

Выскребя посудину и облизав ложку, он поднял глаза. Энергия поднималась из приятно тяжелого желудка... А что это все так уставились?

— Вышата, — медленно проговорил Гюрята, здоровенный увалень, в реале — Гриша, автослесарь, где-то в Мытищах, — как тебе кашка-то?

— А что?

— Вку-сная? — запнулась повариха отряда Любава (Люба, студентка четвертого курса).

— Ну вы же знаете, мне — лишь бы съедобно, а смолотить я могу все. Что случилось-то? — Сергей рассмотрел, что, кроме него, кашу не ел никто, миски стояли полные.

— Да просто наша хозяйюшка, — при этих словах Гюряты Любава вспыхнула и затеребила край фартука, — бухнула в котел полную пачку соли.

То-то каша показалась солоноватой. Была у Сергея особенность почти не различать вкуса еды, частенько пугающая непривычных людей. Вот как сейчас.

— Да расслабьтесь, задумался, не обратил внимания...

Народ немного успокоился, перестал глазеть, как на чудо морское, и поразбрелся по своим делам. Сергей хихикнул, вспомнив, как в свое время, студентом, пожарил и съел сосиски, летом неделю пролежавшие в тумбочке и пахшие весьма неприятно. Ничего, не умер же...

— Ну что, солеед, — хлопнул его по плечу Ингвар, — пойдем в деревню?

Ах да, музей... Сергей с тоской глянул в сторону палатки, тихо посетовал на свою доброту и неумение отказать и поднялся. Будь прокляты все музеи, и деревенские в первую очередь!

— Вышата, стой!

Сзади подошел Конунг, на турнире — грозный и авторитетный вождь, в Москве — глава клуба исторической реконструкции «Вьюга лезвий», в который семь лет назад занесло скучающего студента Серегу. Конунг держал меч в ножнах.

— Вышата, можно попросить тебя? — Будь Сергей в группе викингов, Конунг бы просто приказал, однако последнее время славяне обособлялись и, возможно, в скором времени выделятся в отдельный клуб. Поэтому глава не давил на них. — Завтра у нас показательные выступления.

Ну да, ну да... Жонглирование ножами, метание в цель, стрельба из лука и тому подобное. На фестивалях такими трюками развлекают публику, а на турнирах, где собираются разные клубы, — меряются понтами и хвастаются бойцами...

— Хаук, — мотнул головой в темноту, прятаящую палатки, Конунг, — сегодня повредил руку...

Правильно, Хаук (Серега Соколов, омовонец из Питера) на двобое неудачно подставил руку, и мечом ему перебило два пальца. Хорошо еще, что турнирные мечи затуплены, а то остался бы инвалидом.

— ...а завтра он должен был рубить капусту и метать ножи...

— Хочешь меня попросить? — перебил Вышата.

Конунг поморщился. Он не любил суетливости.

— Да. Остальные ребята либо заняты в других выступлениях, либо недостаточно обучены мастерству. А ты более-менее...

Вот именно. Более-менее. Вечный середняк. Даже в умении метать ножи, которым Сергей втайне гордился, он не был первым во «Вьюге лезвий».

— Ладно, согласен. Давай.

Конунг протянул меч, в отличие от турнирного отточенный на совесть, хлопнул по плечу и ушел.

Отнести в палатку на другой стороне лагеря или взять с собой? В борьбе разума и лени победила лень. Сергей закинул ножны с мечом за спину и направился к нетерпеливо притоптывающему Ингвару (Игорь Гарин, преподаватель вуза).

Соль можно не почувствовать, но организм не обманешь, и все время, пока они шли вчетвером (Сергей, Ингвар-Игорь и две девчонки, то ли Катя и Люда, то ли Лена и Клава) по темной лесной дороге до музея, пить хотелось, как верблюду после недельного перехода. Такое ощущение, как будто вся соль выступила на языке и покрыла его толстой шершавой коркой. Да и меч, в наказание за лень, тяжелой гирей оттягивал плечо и периодически бил по спине. Да где этот...

А вот и обещанный музей... Ух ты! Огромный домина, изогнутый буквой «П», темнел за яблонями сада на окраине Загорок. Да он же как минимум двухэтажный! Под одинокой лампочкой на крыльце в торце одной из ножек буквы скучал Денис — местный учитель истории, давно знакомый с половиной участников турнира и проводивший новичкам экскурсии по музею. Говорили, интересно...

Ночной экскурсовод (черт его возьми, не мог днем собрать) скоренько пожал руки Сергею и Ингвару, чмокнул девчонок и загремел ключами.

— На первый этаж мы не пойдем, — говорил он через плечо, — вам навряд ли будут интересны кадки, сохи и прочие маслобойки. Сразу на второй...

Дверь бесшумно распахнулась.

— Велком ту зе пати, — сделал приглашающий жест рукой Денис.

Где ты видел настоящие пати...

— На первом этаже у нас повседневная жизнь села. — Денис повел их внутрь по темному коридору, одновременно начиная экскурсию. — Вот здесь у нас...

Одна из девчонок пискнула в темноте и шлепнулась, как кошка со шкафа.

— ...ступеньки. Потом — налево и по лестнице.

Отряд потянулся по скрипучей темной лестнице. Сергей плелся следом, цепляясь мечом за перила и размышляя над загадкой: почему чертов гид не включает свет или хотя бы фонарик? Или экспонаты будем рассматривать в темноте?

Версия оказалась ошибочной. Зашелкали выключатели, и ослепительные после ночного мрака лампочки осветили широ-

кий коридор. А в нем... Висело на стенах, проглядывало в застекленных стеллажах и витринах... Что? Да все что угодно. Оружие, холодное и огнестрельное, тщательно очищенное, в идеальном состоянии. Россыпи разнообразных монет, от светло-серых до кислотно-зеленых. Наборы касок, от советских до вермахтовских. И многое-многое-многое... Или все это богатство копилось не один десяток лет, или же все местные жители с утра до позднего вечера промышляют в роли «черных копателей». Прямо напротив проема, в котором замерли от удивления экскурсанты, стояла непонятная металлическая конструкция, больше всего напоминавшая мини-танк, с пулеметом в квадратной неповоротной башенке и на санных полозьях вместо гусениц. Взгляд, ошалело блуждающий по коридору, выхватывал отдельные мелочи: офицерский планшет, клинковый штык от автоматической винтовки системы Симонова, английский пистолет-пулемет «Стэн» (если верить табличке), красноармейские петлицы и немецкие погоны. А также множество гильз от патронов и снарядов. И вот такое сокровище в каком-то замшелом деревенском музее?! Во рту бы пересохло, если бы там и так не обосновалась пустыня Сахара. Сразу захотелось курить.

— Наш музей был основан при загорской школе в тысяча девятьсот тридцать седьмом году, — профессиональным голосом завел Денис, — когда учениками было принято решение о создании комнаты памяти Гражданской войны...

«Ага, — съязвил Сергей, размышляя, можно ли здесь курить, — знаем мы, как ученики принимают такие решения: учителя сказали, несчастные детки и решили...»

— А что это за броневики? — Катя и Лена обошли странную фиговину, присели сзади. — Дверцы...

— Это, — с готовностью переключился Денис, — так называемая бронированная огневая точка — БОТ, нечто вроде маленького передвижного дота...

Если останавливаться возле каждой железяки, то они застрянут надолго...

Сергей машинально похлопал себя по бокам (наличие карманов в средневековой одежде не предусматривалось), вздохнул и шагнул к Денису:

— Слушай, у тебя закурить есть?

Денис, оторвавшись от рассказа о том, как именно металлического выкидыша танка таскали на позиции, охлопал себя и протянул початую пачку.

— Я покурю на крыльце. — Сергей утащил сигаретку.

— О'кей, — согласился Денис, — только недолго, а то пропустишь много интересного.

Ага, из какого болота вы все это натягали? В какой-то деревне и музей?! Есть чем гордиться, подумаешь...

Сергей курил, выпуская дым в свежесть уже летнего вечернего воздуха. За деревьями сада проглядывали огоньки деревни: уличные фонари, свет окон. Музей, как он успел расслышать, разместился в здании старой школы, после того как где-то в конце восьмидесятых построили новую. Нормальные люди продали бы все мало-мальски ценное, а они волокли сюда. Может, предложить Денису?..

Сергей загасил окурок, прицелившись, кинул его в железное ведро, стоящее в двух метрах. Попал, конечно. Ладно, попробую...

Голос Дениса доносился со стороны одной из комнат (бывших классов, надо полагать). Сергей проскочил туда, мимоходом пытаясь подсчитать стоимость того, что находится здесь... хотя бы части... Да хоть чего-нибудь! Никогда не интересуясь ничем таким (даже историю в школе и институте сдал на тройки), он затруднялся определить, редкость ли перед ним или какая-нибудь банальщина, которую любой понимающий антиквар высмеет, стоит только развернуть сверток (в мыслях он почему-то приносил трофей в магазинчик завернутым в брезент, старый и выгоревший). Вот, например, снаряд от катюши... Блин, здоровенная дура! Нет, для примера надо что-то попроще и поменьше. Вот пистолет на стене висит... Если верить табличке... Ага, «Тульский-Токарев», а так это «ТТ», любимое оружие киллеров... Нет, тоже не подходит, торговля оружием — это как-то не то, о чем Сергей мечтал ночами. Заметут, и закончится бизнес где-нибудь в лесах знойной Колымы. Нет, Сергей, конечно, хотел бы пойти по стопам олигарха, но не Ходорковского же! Нет, так, с бухты-барахты, антикварным королем не станешь. Сначала с Денисом поговорить, намекнуть на возможность сотрудничества, а потом, может, вместе сообразим...

Из комнаты донеслись восхищенные взвизги девчонок и криканье Ингвара. Чего они там делают? Сергей заглянул в проем.

Ингвар с напряженным лицом стоял посередине комнаты, почти не двигаясь, окруженный стальным облаком, вокруг него

свистела и металась шашка, которую он крутил, перебрасывая из руки в руку.

— Оп! — Тяжело дыша, Ингвар остановил жуткую вьюгу (воистину вьюгу лезвий) и опустил руку с зажатым в ней оружием.

Очарованные девчонки зааплодировали. Даже Денис хоть и улыбался скептически, однако покачал головой с явным уважением. Сергею стало завидно. Почему он так не умеет? Пробовал, конечно, и даже немного научился, вот только дальше требовались тренировки, а времени как-то не находилось... Так и не осилил он это умение...

— Вот это оружие! — Ингвар в чувствах поцеловал клинок. — Настоящая, казачья! У меня дед такой немцев рубил. Откуда она у вас?

— Подарили, — гордо ухмыльнулся Денис. — Старик-ветеран приезжал, воевал у нас. Посмотрел и сказал, что детки не сберегут, а у нас хоть память о нем останется. Сказал, видит, что у нас историю хранят...

— Да уж, — начал приводить в действие свой план Сергей, — такую коллекцию хоть в Москву, а то здесь ее практически и не видит никто, кроме коров...

— Да ты что, — Денис обиделся, — у нас же постоянно туристы! Я потому ночью вас и вожу: днем здесь не протолкнешься. К нам со всей России приезжают и из-за границы: немцы, финны, норвежцы...

Дальше Сергей слушать рекламу Загорского музея не стал. Диагноз ясен: Денис — ярый патриот своей деревни. Убедить такого продать хоть один экспонат из музея... Да легче уговорить гаишника на дороге отпустить тебя без последствий и оплаты, когда он поймал тебя пьяного и без документов на встречной полосе!

Черт! Такая возможность начать свой собственный бизнес накрылась. Сергей уже давно мечтал о том, чтобы прекратить работать на чужого дядю и начать свое дело. Правда, всегда что-то мешало: то отсутствие денег, то недостаток знаний. Короче, до сих пор все мечтания таковыми и оставались. А тут такая возможность и на тебе: на пути встал деревенский учитель со своим замшелым патриотизмом. Может...

Обдумав вкравшуюся в голову мысль, Сергей отверг ее как неприемлемую: кража привлекала его еще меньше торговли оружием. Одно дело — сесть за продажу раритетного пистолета, какого-нибудь «манлихера», можно сказать благородная ста-

тъя, и другое дело — если тебя поймали за руку при попытке утащить из деревенского музея ржавый плуг, на котором еще в тыща девятьсот каком-то году подписали указ о создании колхоза «Сорок лет без урожая»... Да к черту! Садиться Сергей не собирался по любой статье.

— Денис, — не пришел он к окончательному выводу, — можно я прогуляюсь сам, просто посмотрю...

— Да можно, конечно, — отмахнулся тот.

Ингвар снял со стены уже две шашки и медленно раскачивал их, явно собираясь показать класс. Девчонки заняли свои позиции у стенки и перешептывались, не обращая ни на Дениса, ни на Сергея никакого внимания. Ну почему ни одна из девушек не смотрит так на него, Сергея?! Чем он хуже Ингвара?! Не умеет крутить мечи, сабли, шашки и прочий холодняк? Непрестижная работа? Что не так?!

Сергей вылетел в коридор, горя жаждой устроить что-нибудь такое... такое... Ну чтобы все ахнули! Ага! Не нужен мне чистоплюй Денис! Воровать плохо? ХА! Все состояния нажиты воровством! Закон жизни!

«И пока ты сидишь за воровство, твоё состояние прогуливают наследники. Закон Фостерс», — съязвило не вовремя проснувшееся подсознание, склонное у Сергея к циничным шуткам.

Ну уж нет! Не такой я дурак, чтобы попадаться. Сегодня только высмотрю что-нибудь ценное (если, конечно, смогу отличить ценное от бесценного... тьфу, неценного... малоценного... дешевки, короче!). А потом, может, через годик приеду еще разок и упру! Продам, разбогатею, открою собственное дело, куплю квартиру, машину... Вот тогда посмотрим, девочки, на кого вы будете глядеть: на меня, всего такого крутого-продвинутого, или на Ингвара, у которого из мебели только кафедра в институте.

Сергей остановился посередине коридора. Медленно огляделся, как алкоголик, попавший на винный склад: все твое, поэтому некуда торопиться, можно посмаковать сам момент выбора и только потом уже насладиться вкусом вина, а поскольку внимательно он пока не присматривался, то ценным казалось все. Сергею раньше не приходило в голову заниматься антиквариатом, а поэтому он и не знал, что будет поценнее. Может быть, какие-нибудь фашистские регалии? Вдруг на этом деревенском складе рухляди отыщутся секретные бумаги, подпи-

санные Гитлером или там Сталиным? Они ценнее всего остального будут. Или, скажем, медальон обер-лейтенанта Отто Ларинголога, пропавшего без вести еще в сорок первом в этих краях. Сентиментальные немцы неплохо платят за такое. Ладно, хорош мечтать, пора выбирать...

Ближе всего находилась крашенная белой масляной краской филенчатая дверь. На ней красовалась деревянная резная табличка: «Уголок суеверий». Сергей повернул ручку, тусклую, латунную. Дверь открылась бесшумно, шелкнул выключатель. Уголок оказался небольшой комнаткой, в которой во времена школы наверняка располагался не класс, а какое-нибудь подсобное помещение. Застекленные стенды на стенах, несколько витрин. Все. Ценного тут, похоже, немного... Ну, надо же с чего-то начинать.

Видимо, при создании музея в довоенные времена суеверием считалось православие. По крайней мере, только с той поры могли сохраниться вон те небольшие иконки, деревянные, картонные. Даже бумажные... Было еще несколько медных, покрытых толстым слоем зеленой окиси. Раньше здесь почтительные прихожане, может быть, прятали от большевиков большие иконы из какой-нибудь разрушенной церквушки. Но сейчас остались только эти, представляющие чисто исторический интерес.

На другом стенде на темном выгоревшем бархате красовалась россыпь нательных крестиков, среди которых Сергей увидел даже алюминиевый, точно такой же, с которым крестили его самого. Каждый экспонат был снабжен маленькой табличкой, пояснявшей, откуда он взялся. Под одним крестиком, тоже алюминиевым, только грубой работы, с неровными краями и чуть-чуть кривоватым, табличка гласила, что раньше он принадлежал лейтенанту (фамилия неразборчиво) и был сделан им самостоятельно из дюрала его же самолета, сбитого немцами... Дальше выгорело окончательно.

Висел в углу здоровенный булыжник с дыркой посередине, рядом прилагалась табличка: «Куриный бог».

В одной из витрин стояли стеклянные баночки с сушеной травой и любопытными табличками: «одолень-трав», «плакун-трав».

Во второй витрине находились еще более занимательные вещи. Темный комок с табличкой: «Сорокадневный ладан».

Непонятная «Рябиновая свеча». «Осиновая зола» в баночке из-под майонеза... А это что?

В витрине у правого края лежала темная, судя по цвету медная, пластинка, величиной с книгу средних размеров и толщиной примерно такая же. «Артефакт неизвестного назначения» — вот что было написано на табличке. Оно и понятно: уяснить, для каких надобностей можно использовать эту фиговину, было практически невозможно. Сергей наклонился пониже.

В центре пластины находилось углубленное изображение ладони в натуральную величину, окруженное стертым растительным орнаментом. Такой же (а может, и несколько другой, растения все похожи) узор вился и по краю. Все пространство вокруг было испещрено буквами, по виду — старославянскими, мелкими и тоже основательно потертыми.

Сергей не был силен в славянских культах, несмотря на свое увлечение реконструкцией. Хватит с него и того, что он знает, как владеть мечом, и носит одежду, сделанную по старинным технологиям (на турнирах, конечно). Не хватало еще насиловать собственный мозг язычеством и прочей лабудой.

Но вот что это за хрень? Сергей о таком никогда не слышал. А что это означает? Что вещь эта очень редкая. А редкие вещи что? Правильно, студент Вышинский, очень дорого стоят. На церковную принадлежность не похожа, а значит, может оказаться, что сделали ее еще до крещения Руси, отсюда следует, что ей лет под тысячу. Понятно, деревенские «историки» определить это не смогли и добавили вещицу к своему хламу...

На табличке под названием мелкими буквами была напечатана история нахождения: «Обнаружен в 1940 году в ходе земляных работ в лесу у с. Загорки местным жителем колхозником С. С. Донцовым». Колхозником, ну конечно...

Мысленно Сергей уже аккуратно укладывал в дорогой кожаный дипломат пачечки новеньких оранжевых купюр, которые ему протягивал некий смутный коллекционер, искавший эту фиговину всю свою жизнь. Впрочем, если пока неизвестному собирателю только сказать, где лежит артефакт, то вместо кучи бабок получишь только пламенное спасибо. Не-ет, нужно принести, положить на стол и только тогда... А значит, нужно...

В глубине души Сергей, конечно, понимал, что ни воспитание, ни характер не позволят ему действительно украсть артефакт и все ограничится сладкими мечтами. Сама мысль об этом

была рождена обидой на Ингвара и особенно на девчонок, которые не обращали на него, славянского воина Вышату, никакого внимания (причем не только эти и уже давным-давно...). Но так приятно вообразить себя крутым грабителем музеев, вроде мужского варианта Лары Крофт! И ведь так просто: открыл витрину, достал, спрятал за пазуху... Тут скептицизм взял верх: пластина была величиной с книгу и, возникло подозрение, весила столько, что из-за пазухи провалится прямо в... штаны (нижнего белья Средневековье также не знало). Это подсознательно мозг считает, что предметы одного размера одинаково и весят. В реале же плотность никто не отменял.

Как можно установить вес артефакта? Ответ: опытным путем. Та-ак...

Крышка витрины долго сопротивлялась, как будто... блин, да не как будто, она действительно надежно приколочена гвоздями! Но как-то же они стирают пыль и тому подобное! Сергей присел... Ага! В витрине было сделано выдвижное дно, вроде как в ювелирных магазинах. Попробовал вытащить, но только чуть не сломал ноготь. Хитрые музейщики, предвидя возможность приезда излишне любопытных, вывинтили ручки, оставив от них только круглые дырки. Но дно явно не закрыто на замок и не заколочено: если понажимать его пальцем, оно явственно качается. Чем бы таким острым поддеть?.. Ничего под рукой... Вот болван! За спиной висит целый меч, а он: «Ничего острого, ничего острого!» Выругав себя за недогадливость, Сергей вытянул меч. Чувствуешь себя героем квеста: чтобы достать артефакт, нужно применить меч. Направил кончик клинка... Так, теперь поправим...

Блин!

Забыл, что меч не его, а всученный Конунгом для завтрашней показухи с рубкой капусты! А значит... блин... острый как бритва! Палец распорол в мгновение, хлынула кровь. Вышата Кровавая Рука, блин! Больно!

Другой бы уже плюнул на проклятушую штуковину и занялся самоврачеванием, но Сергея препятствия только злили и включали упорство, больше похожее на тупое упрямство. Обмотав раненый палец полой рубахи (один черт стирать), он все-таки подцепил мечом ящик с экспонатами и со скрипом вытащил его из витрины. Закинул меч в ножны. Артефакт теперь можно было рассмотреть поближе... Черт! Да он весит килограммов восемь! Сергей машинально подхватил его второй

рукой и этим разбередил рану. Не упустившая момент кровяща хлынула по новой, заляпав весь треклятый артефакт. Сергей мысленно плюнул, зажал палец в ладони, надеясь хоть так приостановить кровотечение, и поднял пластину.

Сверху прямо над углублением в виде ладони (левой) в растительный орнамент было вплетено слово «Туда». Остальная надпись была основательно потерта плюс выведена такими заковыристыми древними буквами, что можно было разобрать только отдельные слова: «руда», «сталь», «ночь» и, пожалуй, «судьба». Остальные буквы либо совершенно не распознавались, либо складывались во что-то неудобочитаемое: «Гдь», например. Или «рць».

— Ну и что это должно означать? — спросил Сергей в пространство.

Никто не ответил.

Он поставил пластину на ребро и заглянул с обратной стороны. Там находилось то же самое, только ладонь впечатана была правая и сверху написано: «Обратно».

— Туда и обратно, или Приключения хоббита, — перефразировал с усмешкой Сергей.

Опустил пластину на ящик, она глухо бумкнула.

Блин, она же вся залита кровью! Сергей потер ее ладонью, полой рубахи, но добился только того, что кровь, исчезнув с выпуклостей узора и букв, притаилась в углублениях. Ну и фиг с тобой. Все равно незаметно.

Кровь удалось убрать только из углубления, неожиданно тускло заблестевшего в свете лампочки.

Сергей усмехнулся: больше всего пластина походила на кодовый замок, сканирующий отпечаток ладони. Он представил, как какой-нибудь колдун (сказалось давнишнее увлечение фэнтези, занимайся он историей, и представил бы рыцаря, викинга или короля) подходит к двери в своем черном, страшном замке, прикладывает руку к бронзовой пластине на двери, и огромные ворота с шипением раздвигаются в стороны, пропуская хозяина.

Он вытащил меч из ножен, принял картинную позу и торжественно возложил левую руку на пластину, как раз в углубление.

В комнате негромко хлопнул воздух, устремляясь в пустоту. Так, как это происходит, когда внезапно, оставляя после себя только вакуум, исчезает какой-нибудь предмет.

Например, человек.

Вжи-и-их...

Сергей Вышинский лежал.

Ревнителю чистоты русского языка и учителя грамматики могут придаться к этим словам: мол, предложение не закончено, непременно нужно уточнить, на чем лежал Сергей. Согласимся. Эта фраза, действительно, неточна. Однако сообщить, где он лежал, мы тем не менее не можем. Потому что под ним (а также над ним и вообще вокруг него) находилось ничто. А сказать, что он лежал на нигде, нам не позволят те же самые ревнителю.

Почему же мы отметили, что фраза неточна? Дело в том, что мы сказали: «лежал». А Сергей не лежал, он «начал лежать». Конечно, в таком виде наше утверждение и вовсе доведет любого учителя до припадку: уж больно оно походит на «упала вилка на пол и начала валяться». Но, к нашему глубочайшему сожалению, и здесь мы сказать иначе не можем. Как же тогда изобразить словами состояние, когда человек, только что не лежавший, начинает лежать? «Он лег»? Неверно. Так можно сказать в том случае, если упомянутый нами человек перешел в лежачее состояние из какого-то другого. Ну, например, сначала он стоял или сидел, а потом лег. А наша ситуация несколько иная: Сергей появился в нашем «нигде» уже лежащим, а до этого его здесь не было вовсе. Значит, что? Значит, он именно начал лежать. Так что мы правы. Более того, несмотря на то, что Сергей лежал неподвижно, он при этом двигался. Куда? Скоро мы вам расскажем.

Говорят, когда человек умирает, перед его глазами проносятся вся его жизнь. Увы, с Сергеем такого не наблюдалось. Наверное, потому что он не умирал.

Правда, если бы жизнь действительно решила пронестись перед ним, то просмотр много времени бы не занял.

Уж так получилось, что жизнь Сергея была очень скучной. Большая доля вины за это лежала конечно же на нем самом. Согласитесь, трудно обнаружить что-либо интересное в жизни человека, не прилагавшего никогда никаких усилий.

Родился он в 1985 году, чем родители очень гордились, они называли его ровесником перестройки. До того самого времени, пока перестройка не сдохла вместе с Советским Союзом.

Когда он учился в школе, его звали Сережей (отец), Сереженькой (мама), Серым (друзья) и Вышинским (учителя, когда он не мог ответить урок, то есть практически постоянно). Несмот-

ря на то что его родители были людьми воспитанными и где-то даже интеллигентными, сынок их учился очень плохо. Может быть, потому, что его школьные годы пришлось на заливхватские девяностые, когда быть умным казалось чем-то неприличным, самыми богатыми и уважаемыми людьми стали бандиты, бизнесмены (то есть те же бандиты, только старавшиеся выглядеть респектабельно), проститутки и модели (между которыми тоже особой разницы не наблюдалось). По этой причине вместо того, чтобы получать знания, Сергей предавался мечтаниям о том, как он вырастет и разбогатеет, после чего станет покупать все, что захочет, и ездить на шикарной иномарке, за которой длинным шлейфом будут бежать все те девчонки, что не обращали на него внимания, умоляя простить. Правда, в мечтах момент получения богатства почему-то подробно не просматривался, поэтому Сергей был уверен, что он как-то разбогатеет сразу после выпускного.

Примерно классе в восьмом к сказочным планам разбогатеть (путем обнаружения клада или как-то так) добавилось острое желание завести подружку. Но подружки вели себя совершенно как старый «запорожец», то есть не заводились. Вероятно (как был уверен Сергей), потому что у него не было денег, одежды и самоуверенности, или (как думали девчонки) потому, что он был хорошим и симпатичным мальчиком, который почему-то не проявляет абсолютно никакой инициативы. Наконец одна из одноклассниц, может, и не самая красивая, зато достаточно активная, пригласила его поиграть в компьютер, вечером, когда ее родители уехали на дачу. Так у Сергея появилась подружка. Подружка была слегка повернута на магии, каковая зараза перекинулась и на Сергея. Правда, развилось у них это в разных направлениях: если подружка после школы открыла магический салон и сейчас ездила на той самой машине, которую в мечтах видел Сергей, то сам он пристрастился к чтению фэнтези, поглощаемой им в невероятных количествах, и ездил на метро. Это привело к двум следствиям: мечты трансформировались из нахождения клада в обретение некоего магического прибамбаса, позволяющего исполнить все желания (или конкретные, в зависимости от того, чего Сергею на момент мечтания остро не хватало). Вторым следствием стало вступление его во «Вьюгу лезвий». Историческая реконструкция его разочаровала, так как ни в фехтовании, ни в стрельбе из лука, ни в других боевых умениях (кроме разве что метания но-

жей, на что у Сергея, видимо, был врожденный талант) достичь мало-мальски заметных результатов не удалось. Может, из-за отсутствия старания или из-за желания достичь всего и сразу...

От армии его отмазали родители. Больше, правда, старалась мама, чем папа. Отец, в свое время отдавший долг Родине в мотострелках, ругался матом (интеллигенты тоже способны на это) и кричал, что не позволит. В конце концов, мама его уломала, и «несчастливого сыночка» пропихнули в экономическую академию, открытую неизвестно кем и закрывшуюся аккуратно через год после того, как Сергей успел получить диплом. Даже с учетом либеральности тамошних преподавателей диплом был полон троек, как шука икрой, что объяснялось вольностью студенческой жизни, дешевизной алкоголя и травки и нежеланием напрягаться, если за экзамен можно и заплатить.

После академии пришлось искать работу, потому что родители (за время его учебы успевшие родить ему маленького братика) предоставили ему полное право решать свою судьбу самому. Работа нашлась в маленькой фирмочке, которая торговала всем: от белорусского сахара, крайне похожего на тростниковый (хотя, казалось бы, откуда там сахарный тростник?), до спичек. Работа менеджера по продажам, с одной стороны, не приносила большого дохода, с другой — позволяла бездельничать, шарить в Инете, играть в игрушки на компьютере и клеиться (безуспешно) к девчонкам-коллегам. Впрочем, первое было прямым следствием второго. Квартира была берлогой старого холостяка, мысль о женитьбе и тем более о детях приводила в ужас, постоянной подружки не было. Не было даже друзей. Нет, конечно, имелись хорошие знакомые обоего пола, но даже очень хорошие знакомые еще не друзья.

Стараться, чтобы изменить свою жизнь и приблизить ее к мечтам, Сергею не хотелось. Мысленно он называл себя человеком ненужным. Согласимся с ним, именно таким он и был. Не в том смысле, что он кому-то мешал или вредил.

Просто он никому не был нужен.

Кому нужен человек, не делающий ничего и всю жизнь плывущий по течению? И еще...

Что он будет делать, если попадет в водоворот?

* * *

Нас могут спросить о том, что же за таинственный предмет нашел Сергей и почему он заставил его исчезнуть, хотя, несо-

мненно, до него артефакт крутил и рассматривал не один десяток человек.

Вопрос резонный. Но ответить мы на него не можем.

Мы ответим на другой вопрос, который пришел бы в голову не каждому: только ли Сергею предназначено было воспользоваться артефактом и исчезнуть или же такая участь постигла бы любого? Не избран ли он судьбой, пророчеством или же чем-то подобным? Мы выразимся иносказательно: по старому, гнилому мосту могут пройти сто человек, а сто первый упадет в пропасть. Не потому, что он — избранный. А потому, что не повезло. Не надо ходить по гнилым мостам. Точно так же, как не надо трогать предметы, чье предназначение вам неизвестно.

Могут еще спросить, где находится таинственное «нигде», в котором оказался Сергей. Ответ на этот вопрос крайне прост: нигде.

Остается еще один вопрос, ответа на который вы не получите: кто такие «мы», рассказывающие эту историю?

* * *

Вжи-их.

Сергей очнулся.

В живот ему тут же отчаянно впилось что-то огромное и зверски острое.

Он открыл глаза. Прямо перед носом находилась залитая ярким светом светло-серая каменная стена. Замуровали, демоны, вяло подумал он и, кряхтя, как столетний дед, начал подниматься.

Никто его, конечно, не замуровывал. Сергей лежал на земле, лицом к нехилых размеров каменюке. В живот, как выяснилось, упирался маленький несчастный сучок. Ну и где это он?

Сергей сел, опершись спиной о камень. Вокруг камня находился лес. Сосны, пригорки, мох, хвоя. И все.

Зашибись. Это как же я вчера нажрался. — Голова болела так, что хотелось ее ампутировать. — И ведь не собирался. Думал чинно, благородно сходить в музей... Блин, до музея все помню, в музее, помню, хотел какую-то штуку спереть. Потом — как отрезало. И где я? Как меня в лес занесло?

Как ни хотелось прилечь обратно, а надо все же идти искать своих. А то второпях уедут, и как добираться до Москвы? Ни денег в карманах, ни мобильного, ни кредитки. Ни даже самих

карманов... Один меч. Кстати, почему он в руке? Может, убил кого-нибудь? Усмехнувшись, Сергей осмотрел меч. Холодок пробежал по спине. Кровь на лезвии... Неужели... Тьфу ты, вспомнил! Сам же вчера себе руку в музее разрезал, вон, до сих пор палец болит, ранка еле затянулась. Меч скользнул в ножны. Блин, нужно трогаться...

Охнув от боли, прострелившей голову от виска к виску, Сергей поднялся с земли. Для того чтобы присесть на камень. Для начала нужно сориентироваться. Так как вокруг лес, нужно определить направление, чтобы прийти к населенному пункту или хотя бы к дороге. А то забуришься в болото или такую лесную глухомань, где тебя найдут только археологи двадцать пятого века. И то случайно. Вот приколом будет: человек с мечом из двадцатого века. Сенсация! Сколько, интересно, версий придумают?

Из области ориентирования помнилось только то, что вбили в голову на уроках природоведения: мох на деревьях всегда растет на южной стороне. Только как это может помочь в данной ситуации? Разве что идти все время на юг, юг, юг... И рано или поздно выйдешь к Черному морю. Шутки шутками, а что делать? Ладно бы какие-нибудь следы на хвое были видны, сообразил бы, откуда пришел (или откуда тащили). А то абсолютно ничего. Можно подумать, инопланетяне на летающей тарелке привезли и сбросили!

Черт, так ведь можно по лесу неделю плутать, пока к людям выберешься. Ладно... Будем рассуждать логически. Я, Сергей Вышинский, не в Сибири, где на пятьсот километров ни одной живой души. Я — в районе села Загорки. То бишь в относительно густонаселенной местности, здесь на каждые десять километров по две деревни и десять хуторов. Вполне возможно, до ближайшего села не так далеко, и если прислушаться, можно различить звуки. Собачий лай, к примеру.

Сергей старательно напряг слух. Сначала до него доносились только типичные звуки леса: шум ветра, щебет птиц, скрип деревьев. Потом начали выделяться шумы, похожие на деревенские: стуки, скрежет, гудки... Еще через несколько минут усиленного внимания что-то напомнило отдаленные голоса. Сергей понял, что еще немного — и он отчетливо услышит голос мамы, зовущей его домой, поесть супчику. На фиг, только звуки леса, а все остальное — слуховые галлюцинации и выдача желаемого за действительное. Еще варианты?

В итоге Сергей пришел к старому военному решению: «Что тут думать, трясти надо». В смысле изобретать способы ориентирования можно и в движении, а перемещаясь, больше шансов наткнуться на деревню, дорогу или случайных грибников.

Проклиная алкоголь (или курнули какой-нибудь необычной травы?), Сергей поднялся с земли, с сожалением оторвавшись от удобного камня. С трудом затолкал назад рванувшийся на волю желудок. На всякий случай запомнил внешний вид валуна. Если, как говорят, начнет ходить кругами и выйдет обратно, так, по крайней мере, точно скажет, что здесь уже был.

По счастью, камень был необычный: больше всего он походил на огромное светло-серое яйцо, наполовину закопанное в землю под углом. Плюс какой-то былинный богатырь огромным мечом-кладенцом отсек у яйца верхушку, оставив ровную плоскую площадку.

Продолжив придумывать проклятья изобретателю спирта (Менделееву, если склероз не изменяет), Сергей брел по лесу по прямой. По крайней мере, он надеялся, что по прямой, а не кругами. Изменений в ландшафте не наблюдалось: сосны, пригорки, хвоя, мох. Грибы и ягоды не попадались. Следы человека тоже. И тут...

— Вот болван, — самокритично охарактеризовал себя Сергей, глядя на огромную березу, торчавшую на самой верхушке холма.

Действительно, почему сразу не сообразил? Влез на дерево — и все окрестности как на ладони. Тем более береза явно выше всех остальных деревьев. Вот только...

Интересно, задумался Сергей, а смогу ли я вскарабкаться на эту громадину? Ведь опыт древолазанья у меня такой маленький, что в принципе можно признать его нулевым. В детстве лазил. Кажется. Вроде бы. То есть сейчас я даже не вспомню, как это делается.

Карабканье осложнялось тем, что береза примерно метров на пять от земли не имела ни одного сучка. Повезло, по крайней мере, что это не сосна, на тех сучья начинались на уровне метров десяти. Ну и как на нее взбираться? Вспомнить школьные уроки физкультуры и лазанье по канату? Извините, береза — не канат, она толще раз в ...дцать. Вот лестницу бы... «Ага, лифт», — съязвил внутренний голос. Сергей оглянулся. Нет, никто лестницу ему в подмогу не забыл. Зато...

Через минуту Сергей, надрываясь, волок на холм к березе

валявшийся неподалеку сосновый ствол, достаточно тонкий, чтобы тащить одному, и достаточно толстый, чтобы послужить импровизированной лестницей. Где-то на середине пути он понял, что переоценил либо толщину ствола, либо расстояние. Силы кончились, и тащить пришлось на одном упрямстве.

Уф! Шваркнув проклятую лесину, Сергей похлопал себя по бокам и вспомнил, что, во-первых, в средневековой одежде, в которую он облачен, карманов как не было, так и нет, а, во-вторых, табак появился в Европе только после открытия Америки, то есть после окончания Средневековья. Следовательно... Сигарет нет!! Блин!

Сразу резко захотелось курить. Посидев немного на притащенном бревне, Сергей налился злостью до такой степени, что забыл про усталость и головную боль. С нечленораздельным рычанием он поднял макушку сосны до уровня нижних сучков березы. И рухнул на землю...

А-а! Долго лежать не пришлось: у муравьев было свое мнение о том, что нужно делать с теми, кто перегораживает их законные трассы. Сергей поднялся, пообещал кусачим букашкам найти и разворошить их муравейник. Вяло пожалел, что нет курева. Ладно, вот тебе мотивация: чем быстрее залезешь на дерево, тем быстрее найдешь деревню, где наверняка можно стрелкнуть сигаретку.

Вздохнув, Сергей начал карабкаться.

Вот и нижний сук. Добраться до него оказалось не так-то легко: сосна все же не лестница и так и норовила прокрутиться и сбросить оседлавшего ее человечка. Дальше пошло легче, береза таких склонностей не имела. Главное, не ухватиться за гнилой или сухой сук...

Через несколько минут игры в обезьяну Сергей поднялся по стволу выше уровня леса и мог оглядеться. Здорово! Правда, следов человека не видно, но все равно красиво: огромное зеленое море колыхается под ногами. Сергей глянул вниз. Ух ты! Верно, метров двадцать: лесина, прислоненная к стволу, кажется спичкой. Всегда ему нравилась высота. На первом курсе знакомые уговорили Сергея взлететь на воздушном шаре. Вот это был класс! Почти как сейчас.

Впрочем, хватит воспоминаний. Красота красотой, но отсюда ни черта не видно, нужно лезть выше. Сергей поднялся еще метров на пять, пока сучья не стали слишком тонкими,

чтобы доверить им свою драгоценную персону. Ну что? Смотрим внимательно, не отвлекаясь на романтику. Что видим?

В общем-то лес.

Нет, конечно, вдалеке видны то ли поля, то ли луга, ну, какое-то пространство без деревьев. Но это далеко. А на каком расстоянии? Может, там все двадцать — тридцать километров. Это по трассе на машине не расстояние. А на своих двоих да по лесу... Не хочешь? Смотри внимательнее!

Ну-ка, ну-ка...

А точно! Вон там левее виднеется в зеленой каше этакая проплешинка. И кажется, несколько тоненьких дымков... Нет, точно. Над проплешинкой поднимались маленькими хвостиками клубы дыма. А дым — это что? Правильно, студент Вышинский, это огонь, то есть люди. К тому же если присмотреться внимательнее, то справа налево по направлению к тому самому месту в лесу наблюдается некая морщинка, складка... Слишком прямая, чтобы быть случайной тропинкой или даже рекой. Скорее всего, дорога. Значит, нам туда. Потому что до проплешинки далеко, пока будешь идти, того и гляди промахнешься, а другой такой удобной деревины можно и не найти. А вот миновать дорогу будет потруднее. Плюс до деревни несколько километров, а дорога проходит метров... ну, максимум в двухстах. Так, определим направление... Солнце светит в затылок. Значит, так и пойдём. И побыстрее: слева на небе наблюдается нехорошая тучка, синяя, почти черная.

Вниз, вниз, вниз... А-а...

Подлая сосна все-таки дождалась момента, когда он утратил бдительность, и резко крутанулась. Каким-то чудом (нет, не тем, что Штирлиц из анекдота) Сергей смог удержаться, повиснув на руках метрах в трех над землей. Поборов желание прыгнуть (все-таки не асфальт, попадешь на гнилой сук или острую ветку, повредишь ногу и каюк) и противный холодок в животе, Сергей, цепляясь всеми конечностями за дерево, сполз вниз. Черт...

Нет, скорей, скорей к дороге, к людям, а затем в Москву, в Москву. Ну ее, к лешему, эту природу, дайте мне город, с пробками и загазованностью, зато с мобильниками, такси и круглосуточными магазинами, где продаются СИГАРЕТЫ! Так, солнце в затылок... Ага, наш путь — туда...

— Туда нам надо! — прохрипел Сергей, изобразив Тугарина из мультлика, и тронулся.

Правда, через минуту пришлось стукнуть себя по лбу и бе-

жать назад, за мечом, благополучно забытым под деревом. Закинув его за спину, Сергей ломанулся через лес, предвкушая встречу с людьми и табаком. Может, даже повезет и подберет попутка с курящим и нежадным водителем...

* * *

Нет, не повезло...

Желанная дорога оказалась какой-то лесной колеей, которая еле протискивалась между деревьев. Судя по глубоким колеям, ездили по ней часто, а судя по следам — в основном на лошадях. Блин, пейзаже... Не могли нормальную дорогу проложить и ездить на машинах!

Ладно, попутки тут явно не дождешься. Значит, придется пешкодралом... Вон туда. Уж телефон, по крайней мере, на здешнем хуторе должен быть. На месте сориентируюсь. Идем? Идем! Вот только... Что с мечом делать?

В Москве можно было бы пройти с мечом за спиной по улице. До первого милиционера, конечно, но зато всем проходим было бы плевать. В Москве и не такие придурки живут. А вот здесь, в сельской местности... Как-то не хочется неадекватных реакций. Одежда еще ладно: кожаные калоши, холщовые штаны с рубахой, узкий кожаный ремешок... В принципе ничего такого уж необычного. В конце концов, может, я бомж? Или хиппи, или сектант.

Наконец Сергей решил, снял рубаху (оставшись только в нижней, белой) и аккуратно замотал в нее ножны с мечом, обвязал ремешком и сделал нечто вроде ручки, чтоб удобнее было нести. Меч превратился в неопознаваемый сверток, которым трудно напугать прохожего. Но на всякий случай рукоять меча Сергей не замотал, а просто накрыл подолом рубахи... Мало ли что... От волков до маньяков. Как-то сразу вспоминается «Техасская резня бензопилой».

Малодушная мысль бросить меч в лесу, чтоб не тащить лишнюю тяжесть, была откинута именно по этой причине. А также потому, что «настоящие воины оружие не теряют». Именно так скажет Конунг, прежде чем прибить его за потерю.

Дальше Сергею повезло. Не прошло и десяти минут, как за спиной послышались тяжелые шаги, и из-за поворота выползла вальяжно заплетавшая ноги лошадка, везущая хворосту воз.

На самом деле везла она не воз и не хворост. Темно-рыжая

(интересно, лошадь именно такого цвета называется гнедой или как-то по-другому?) кобыла тащила поскрипывающую телегу, на которой лежала охапка сена и восседал первый местный житель, встреченный Сергеем за сегодня. Радоваться как родному Сергей не стал, все-таки не успел соскучиться по обществу до такой степени. Да и мужичок как-то не вызывал желания брататься. Какой-то он был потертый и потасканный.

Впрочем, может, все дело в предвзятости Сергея, который ожидал увидеть машину с нормальным водителем, а не этого кобыльего шофера, от которого можно получить разве что самокрутку с махоркой вместо нормальных сигарет. Так уж мужичок выглядел... Светло-русые волосы, спутанные колтунами, редкая бородка с сединой. Штаны, немногим лучше тех, что на Сергее, разве что крашенные в синий цвет. Когда-то. Сейчас штаны от пыли и грязи были прямо-таки сизые. Темно-серая рубаха, и такого цвета, скорее всего, не от производителя, а от той же пыли и грязи. Больше всего поражали ноги, свисавшие с телеги: босые и черные. Да... Деревня спивается...

Сергей махнул рукой, мужичок дернул вожжами, лениво прикрикнул: «Тпру, скотина», лошадь с готовностью остановилась. Рука извозчика что-то нашарила под сеном. Похоже, верой в доброту человечества он не отличался.

— Отец... — Ничего себе, выхлоп от папани — самогон с луком как минимум, да еще процеженный через портянки. — До Загорок далеко?

— До Загорок? — Дед задумался, как будто умножал в уме тридцать семь на сорок три. — Да верст с десяток будя, — махнул он рукой вперед.

Вот черт! Как же меня так далеко отнесло-то? Прогулялся...

Была у Сергея привычка «прогуляться» после чрезмерно большого количества выпитого. И занести во время такой прогулки его могло черт знает куда... Нет, но десять километров!

— Бать, а ты, часом, не в Загорки едешь?

— Я? — Дед опять задумался. — Не, я не туды, я домой еду.

И замолчал.

— А где дом-то? — надоело ждать продолжения Сергею.

— А тама. — Дед опять вяло махнул вперед рукой.

И снова замолчал... Сергей пожалел, что не выбросил меч. Он как никогда оказался близок к смертоубийству.

— Там — это где? — терпеливо переспросил он.

— В Козьей Горе.

Это чего, название деревни?! Хорошо, подумал Сергей, что я там не живу. Представляю, спрашивают меня, вы: мол, откуда, а я — из Козьей Горы. Козий горец, так сказать. Финиш!

— А далеко до нее? До Горы вашей?

— Версты две.

Ага, и три аршина.

— Подвези хоть до деревни, дальше я до Загорок своим ходом доберусь.

— Сидай, — не стал ломаться дед.

Сергей, хрустя сеном, запрыгнул в телегу.

— Выпили мы вчера с друзьями многовато, — сразу предупредил он возможные расспросы: кто ты, мил-человек, да откуда, да чего это в таком виде странном по лесам шастаешь? — Они уехали, а меня забыли. Вот и добираюсь.

— А чего ж, бывае, — не стал ни спорить, ни развивать тему дедок. Видимо, он сам страдал после вчерашнего, продолженного сегодняшним...

Повозка тронулась. Сергей сидел, болтая ногами. Настроение улучшилось, по крайней мере, он сориентировался в пространстве. Сейчас доедем до Козьей Горы (ну и название!), а там либо какого-нибудь тракториста запряжем, либо позвоним ребятам, пусть подскочат, либо (если уж совсем глушь и ни тракторов, ни телефонов) часика за три доберусь до Загорок пешочком. Отъезжаем все равно только поздно вечером, а сейчас... Сергей глянул на солнце. Судя по нему, где-то часов одиннадцать утра. Ну, максимум час дня... Успеет.

Лошадка мирно трюхала, телега поскрипывала. Дед, похоже, задремал. Кстати, не такой уж и дед, на вид ему лет пятьдесят, не больше. Просто борода, потертая и даже немного пожеванная одежда и общая неухоженность старили его лет на двадцать...

С чего же я так набрался? Сергей перешел к самоанализу, пытаясь изгнать из головы проснувшуюся боль. Вроде уже не студент, чтобы отмечать первую пятницу на этой неделе. Вернее, понедельник. Сегодня же понедельник? Ну да, четырнадцатое число, понедельник... Вроде никаких дней рождения, свадеб, похорон и прочих торжеств не планировалось. Разве что сегодняшнее отбытие по домам с турнира... Ой, мама...

Сергея пронзил острый холод. А сегодня ли сегодня!? В смысле, может, уже завтра! Может быть, сегодня не понедельник, четырнадцатое июня, а вторник, пятнадцатое? Ведь в памяти нечего из вчерашнего дня не осталось! Что, если события развива-

лись так: вернулся он в лагерь из музея (музей — последнее воспоминание), а там уже гудят в честь окончания турнира (кто-то празднует победу, кто-то заливает горечь поражения), он, естественно, присоединяется. Где-то ближе к утру, основательно нагрузившись, господин Вышата по своей милой привычке отправляется прогуляться по лесу, забредает в глушь и засыпает у какого-то валуна, где благополучно и проводит весь понедельник, пропускает отправку и остается один, без денег, документов и мобильного! Или это все — напрасные тревоги? И сейчас он приедет в Загорки, сядет в автобус и вернется к цивилизации. Где не ездят на конях, не пьют самогон и повсюду люди. Или все-таки вторник?

— Отец... — Сергей понял, что еще немного — и его начнет колотить. — А какой сегодня день?

— Воскресенье, — дал точную справку мужик, похоже, даже не открывая глаз.

Так. То есть как это воскресенье? Воскресенье вчера было! А сегодня понедельник! Или вторник.

— Точно воскресенье? — задал не самый умный вопрос Сергей.

— Куды уж точнее, — хмыкнул дед. — Воскресенье, Иванов день. У племяша моего именины.

По-видимому, дед так основательно принял на именинах, что проспал день. И сегодня понедельник. Или два. Тогда вторник... Один источник информации, и тот заблудился во времени хуже самого Сергея! Оп-па... Авария...

Жуткая катастрофа, по местным меркам: на обочине дороги стояла накренившись еще одна телега, почти с такой же лениво отмахивающейся хвостом от мух лошадьё. Вокруг суетились два мужичка, один примерно возраста нашего возницы, второй — чуть помоложе. Издалека они казались одного возраста из-за того, что у обоих были бороды. По одежде пострадавшие не очень отличались от деда. И тоже босые.

Неужели сектанты? — с беспокойством подумал Сергей, нащупывая рукоять меча. Хоть чем-то отмахаться... Конечно, может, это обычные деревенские жители... Вот только чего они тогда одеты одинаково в домотканину и при бородах? Куда меня занесло?

— Тпру, — тормознул у аварии дед. Спрыгнул и пошел к одному из бородачей.

Сразу завязался разговор, в котором второй участия не при-

нимал. Сергей тоже слез размять ноги. Ну и там помочь, если что... Второй оживился и подошел к нему. Сергей на всякий случай от меча далеко отходить не стал.

— Здорово, — сразу взял быка за рога мужчина с всклокоченной бородой. — Закурить няма?

— Не-а, — вздохнул с сожалением Сергей, — сам с утра страдаю.

— Куды это ты с Кузьмичом?

Точно, вылитый Кузьмич из «Особенностей национальной охоты». Пьяный и ничего внятного ответить не может.

— В Загорки. Чего там у вас случилось?

— Да... Цеку потяряли.

— Понятно, — глубокомысленно покачал головой Сергей (что еще за цека?), — бывает.

— Ага, — потерял интерес к разговору второй и собрался уходить.

Подошел путаник Кузьмич, порылся в сене, достал какую-то железяку и двинулся обратно. Кстати...

— Погоди, — успел остановить повернувшегося спиной второго Сергей. Сейчас мы тебя, алкаш старый, разоблачим... — Слушай, а какой сегодня день?

Второй удивленно выкатил глаза:

— Воскресенье. Иванов день...

Приехали...

— Точно? — побил рекорды тугоумия Сергей.

— Конечно. Вон, у Кузьмичова плямянника именины сегодня. Кузьмич, с утра уехав, сяйчас възвяртається...

Вот это да! Как это воскресенье? Не может этого быть! С другой стороны, не могли же эти двое сговориться пошутить над случайным прохожим. Но и целую неделю провалиться в лесу Сергей никак не мог! Что, черт побери, происходит?

— Эй... — робко подозвал Сергей второго.

— Ну цего? — Того уже явно раздражал надоедливый незнакомец.

— Я тут с друзьями того... Перепили. Немного.

— С энтим к батюшке, ён усе грехи отпустит.

— Да я спросить хотел... А какое сегодня число?

— Так я же говорю, Иванов день!

Собеседник запнулся, что-то подсчитал на пальцах:

— Сядьмое! Хорошо вы пяребрали! — развернулся и ушел.

— Да уж... — пробормотал раздавленный новостью Сергей.

Седьмое?! Это не неделя, это больше трех недель! Как это... Невозможно... Сергей со злостью стукнул кулаком по борту телеги и взвыл от боли. Еще и палец разрезанный! Палец... Ха! А вот я вас и поймал, шутники доморощенные! Палец-то вот он! Разрезал я его вчера мечом в музее. И рана до сих пор свежая, уж никак не трехнедельная! Так что не надо ля-ля! Седьмое!..

Кузьмич запрыгнул в телегу, шлепнул кобылу вожжами, телега двинулась дальше. Мимо проплыли кряхтевший под увечной телегой мужичок, понурая кобылка, кусты... Ага! Сергей смотрел внимательно, после разговора с ним второй не подходил к Кузьмичу. Он вообще поперся куда-то в лес, что-то посмотреть или отлить. Значит, стовориться по поводу даты шутники не могли. Правда, пока неясно, как объяснить воскресенье...

— Кузьмич, — окликнул Сергей опять опустившего нос на грудь возницу.

— Ась? — очнулся тот.

— Какое сегодня число?

— Я же говорил, Иванов день...

— Число какое? — заскрипел зубами Сергей.

— Так седьмое. Я же говорю, Иванов день...

Дался им этот Иван! Так, нужно обдумать новую информацию. Черт, голова разламывается... Собраться! Два человека, независимо друг от друга сказали, что сегодня седьмое число. И какой отсюда следует вывод? Или они решили устроить какой-то глобальный розыгрыш, или... Или сейчас действительно седьмое число. А значит, для него прошел день (вернее, ночь), а для всех — три недели. Дурдом какой-то... Это невозможно! Хотя...

Если отбросить версию розыгрыша, то что у нас остается? Один из тех случаев, о которых частенько рассказывал товарищ, с которым в свое время жили в комнате в общежитии. Товарищ был основательно повернут на всякой чертовщине и аномальщине, о чем любил потрепаться. В общей массе историй о барабашках, инопланетянах, ведьмах, бесах и прочем были и такие истории. Якобы есть (и даже в России) такие особые места: заходит туда человек, попадает в какой-то туман (или даже просто гуляет по лесу), выходит обратно через полчаса и с изумлением узнает, что товарищи его уже трое суток разыскивают с собаками. А для него прошло полчаса. И по часам так. Как-то эти аномальные зоны называются, но не суть. Что, если

в здешнем лесу такая же зона? И он, пока шатался пьяный, ненароком в нее забрел? И заснул? Неужели правда?

Прикольно, конечно, будет что рассказать... Погодите...

Зря он вспомнил про аномальщину... Ой, зря...

Сергея потихоньку охватывал страх, сильный, леденящий.

А три ли недели прошло? Какой сейчас месяц? Июль ли?

— Отец... — Как там его? — Кузьмич!

— А? — вскинулся тот.

— А какой месяц сейчас?!

— Ня пей больше, сынок... — вздохнул тот. — Июнь сячас. Вспомнил?

— В... Вс... Вспомнил...

ИЮНЬ? Седьмое июня? Сколько же времени прошло? Год? Или больше?

Нет, спрашивать, какой год я не буду, решил Сергей, иначе Кузьмич окончательно примет меня за психа. Может, все-таки розыгрыш?

Версия насчет розыгрыша, устроенного неизвестным шутником, была очень уж шаткой: какова вероятность того, что, очнувшись, он пойдет именно в сторону дороги, что начнет спрашивать насчет даты (мог ведь и просто продремать всю дорогу)... Разве что у здешних деревенских такая традиция: пугать похмельных прохожих, называя им неправильные даты. Как можно определить месяц, никого не спрашивая? По приметам? По каким?

Тут, как будто ответив на его немой вопрос, проплыла мимо телеги, прямо у носа, такая примета. Калиновый куст. На ветке, повисшей над дорогой, еле завязавшиеся бутоны. А ведь в начале июля она уже должна цвести полным ходом. Сергей это помнил точно: у него во дворе дома рос огромный старый куст. Значит, все-таки июнь? Или в этом году калина цветет позже? Нет, в деревне, мимо которой они проезжали на турнир, точно помнится, калина цвела вовсю. Может, этот куст просто нетипичный, поздноцветущий? Слабо верится... Но лучше уж верить в поздноцветущую калину и деревенских шутников, чем в то, что он провалился в будущий год. Если не на пару лет... Сейчас приедешь в Загорки, а там — 2012 год. Или 2015... И президентом опять Путин. Или вообще у власти фашисты.

Ладно, хлопнул себя по коленям Сергей, примем как рабочую версию, что сейчас действительно седьмое июня: слишком много говорит за это. А вот как теперь определить год?

В нос шибануло ядреным, прямо-таки ядовитым дымом: Кузьмич свернул себе самокрутку и теперь дымил, как пароход. Постой-ка... Глядя, как медленно пропадают у тлеющего кончика буквы газетного обрывка, из которого возница соорудил свою кошмарную сигару, Сергей понял, как можно определить год. Газеты!

— Отец, — вот привязалось! — а у тебя свежей газетки не найдется?

— А тебе для чего? — пыхнул тот. — Поцитать? Али для каких других нужд?

Шутник, блин... А правда, как объяснить?

— Да так, посмотреть, буквы знакомые вспомнить.

— А-а... — понимающе протянул Кузьмич, порылся в сене. Из появившейся на свет холщовой сумки извлек газету.

— Дяржи, — вручил прессу Кузьмич, — свежая, только вчяра из городу в Загорки привязли. Плямяшу возил, ён грамотный, да как-то... это... запамятовал отдать...

Сергею было не до склероза Кузьмича. Руки немного подрагивали. Первым делом он увидел заголовок: «Песковский набат», в голове еще успела промелькнуть мысль, что заголовок остался с советских времен. В следующую секунду Сергей увидел дату...

Шестое июня.

Тысяча девятьсот двадцать пятого года!

Сергей задрал голову. Это что же получается? Не будущее, а прошлое? Большевики? Сталин? Репрессии? Господи, сделай так, чтобы это был розыгрыш!

Часть первая ДЕРЕВНЯ

Розыгрыши бывают разные. Банальные и свежие, глупые и умные, простенькие и хитрые, многоходовые. Ничего не требующие, кроме чувства юмора, как знаменитое: «У вас вся спина белая». И сложные, затратные, вроде тех, что показывают в своей программе Валдис Пельш и его грудастая спутница. На телевидении вообще любят передачи с подставами ничего не подозревающих людей. Что, если в светлую голову какого-нибудь телеумника пришла именно такая идея: взять человека и сделать так, чтобы он подумал, что попал в прошлое?

От телевизионщиков всего можно ожидать.

Однако по зрелом размышлении такая заманчивая версия (ну как же: не в прошлом, в родном времени, да еще и по телику покажут) проигрывала. Во-первых, как упоминалось ранее, слишком много случайностей — он, Сергей, мог пойти в любом направлении и выйти из поля зрения замаскированных телекамер. Не повесили же они по камере на каждое дерево? Во-вторых, он мог и не спросить ни у кого сегодняшнее число. Упал бы на сено и дрых до самых Загорок. Неинтересная бы получилась передача. В-третьих, что-то шутка затянулась. Уже второй час ничего не происходит. Зачем так затягивать, если потом все равно вырезать при монтаже? Да и мелкие признаки настаораживают...

Например, калина. Откуда таинственные телевизионщики могут знать, что он обратит на нее внимание? А если калина не подставная, почему она не цветет? Плюс самолеты. Они проводили турнир недалеко от Пескова, над которым скрещиваются воздушные трассы из Москвы в Европу и из Питера на юг. Все дни, пока проходил турнир, не было момента, чтобы над головой не пролетала серебряная искорка авиалайнера или не таяли бы два-три инверсионных следа. Сейчас — ничего.

Но и верить в то, что ты оказался в далеком прошлом, тоже не хотелось. ОЧЕНЬ не хотелось...

Двадцать пятый год... Кто из нормальных людей помнит, что происходило в этом году? У власти в стране большевики. Советский Союз. Революция была недавно... Дедушка Ленин, который хороший вождь... кажется, уже умер... Значит, на смену ему пришел Сталин, который устроит раскулачивание, репрессии и расстрелы. Тридцать седьмой год, точно. Еще впереди война с немцами... Ну, до нее еще шестнадцать лет. Что еще? Блин, надо было историю учить! Ну кто ж знал, что вся эта ерунда про большевиков когда-нибудь не просто пригодится — станет жизненно необходимой. Ага, еще вспомнил! Этот... который на площади стоял... Дзержинский! Кажется, основатель ЧК — что-то вроде тогдашнего («Для тебя — нынешнего», — капнул на рану внутренний голос) ФСБ. Еще из уроков смутно вспоминается товарищ с забавной фамилией Бухарин, но кто он такой и чем славен, скрывается в тумане забвения...

Телега закричала и наклонилась вперед — дорога спускалась в глубокий овраг. Густой кустарник, росший до сих пор в некотором отдалении, сейчас незаметно подкрался вплотную и норовил задеть ветками лицо. Сергей насторожился. Кузьмич, до сих пор вроде бы спокойно дремавший, как-то заерзал. Правая рука потянула из-под сена коричневую рукоятку топора.

— Шалят тут... — зашептал Кузьмич. — Говорят, уркаганы какие-то. Грабят проезжих. На днях...

Что там произошло на днях, Сергей не узнал.

— Стой! — раздался из кустов противный голос с лентой.

От такого голоса сразу похолодело в животе. Уж больно он подошел на голоса гопников, отбирающих мобильники...

Из зарослей выскочило непонятное существо и ухватило лошадь под уздцы. Существо было мелким, замурзанным, в каком-то тряпье и настолько лохматым, как будто последние несколько недель подрабатывало трубочистом. Пол существа не определялся.

— Стой, караси! Руки вверх! — опять раздался ленивый голос. Затрещали ветки, выползли еще два... хм, человека.

Подростки. Оба лишь чуть-чуть почище того, что вцепился, как клещ, в уздечку кобылы. По крайней мере, можно понять, что это мальчишки. Первый, повыше, щеголял надетым на голое тощее тело добротным темно-серым пиджаком, слегка испачканным на рукаве смолой. Второй отличался отчаянной ры-

жиной, просвечивающей сквозь слой грязи, а еще болотно-зеленой вязаной кофтой, явно женской.

Кузьмич обреченно выпустил топор (чего вообще хватался?) и мешком сполз с телеги. Сергей полз следом. В животе бродил противный холодок страха. Малолетки, как известно, могут быть очень жестокими и, как грабители, гораздо страшнее взрослых. Те просто ограбят, а пацанам может захотеться самоутвердиться...

— Чего хорошего имеем при себе? Денюшки, табачок? — крипло поинтересовался Рыжий.

Кузьмич и Сергей молчали, находясь в ступоре жертв.

Почему очень часто человек, которого грабят вот такие волчата, не сопротивляется? Страх? Но от страха люди иногда творят такие вещи: наткнувшись в лесу на медведя, в секунду влезают на дерево, вытаскивают из пожара неподъемные сундуки и рояли, выпрыгивают из окопа в атаку на немцев... Почему же жертва ограбления не кричит от страха, не пытается убежать, наконец, вступить в драку? Просто стоит, пока шустрые малолетки выворачивают ее карманы. Почему? Все дело в ступоре, вызванном отсутствием опыта нахождения в таких обстоятельствах. Разум человека, ранее не попадавшего в экстремальные условия (то есть практически девяносто процентов населения), просто не может в первые секунды сообразить, как вести себя. Ситуация-то незнакома, опыт ничего не подсказывает. А для грабителей ситуация как раз прекрасно знакома, опыт выработан десятками подобных случаев, что делать — известно. Стоит жертва — грабь, пытается рыпаться — припугни, достает пистолет — беги. Поэтому жертва и нападающий изначально в неравных условиях.

Рыжий уже приближался к телеге, высокий стоял на холмике в позе Наполеона, Чумазый болтался на уздечке — лошади не нравился запах, и она мотала мордой. Еще минуту — и напавшие, очистив телегу от более-менее ценного и вывернув карманы Кузьмича и Сергея (хотя у Сергея их и не было), скрылись бы в лесной чаще. Но, видимо, Сергей показался им потенциально опасным. И грабители совершили первую ошибку.

Они достали оружие.

Из кармана Рыжего появилась черная полукилограммовая гирька на засаленном шнуре, высокий вынул из-за пояса здоровенный, тускло блестящий тесак (штык от австрийской винтовки, но Сергей этого не знал).

Этим они перевели ситуацию в совершенно понятную и стопроцентно знакомую Сергею! Противник с кинжалом, противник с кистенем. Да бой с ними не раз проводился в клубе! Сразу стало ясно, что делать. Сергей резко крутанулся, отбросил подол рубахи со свертка, меч со свистом покинул ножны и, блеснув на солнце, уставился острием на грабителей. Вот тут зависли нападающие. Ситуация стала незнакомой им, опыт не подсказывал ничего. Проявился порок рефлексов: при резкой трансформации ситуации любой человек обычно продолжает выполнять ранее начатую программу, не пытаясь приспособиться к изменениям. Поэтому гопники повели себя так, как привыкли поступать при сопротивлении жертвы: бросились на Сергея. Это была последняя ошибка.

— Арцы! — крикнул Длинный.

Рыжий привычно, но неграмотно махнул самодельным кистенем снизу вверх. Свистнул меч, Рыжий едва успел отпрянуть, перерубленный ремень щелкнул его по плечу, гирька взмыла вверх по крутой параболе и с треском упала за спиной Сергея. Полуоборот, меч лязгнул, парируя удар ножом в живот, и с размаха ударил в шею Длинного. В тренировочном бою или на турнире Длинный заработал бы серьезный синяк, если бы не успел увернуться. Он не успел. Отточенный до остроты меч рассек шею до середины и остановился на позвоночнике. Кровь плеснула широким веером. Длинный захрипел и, хватаясь за рану, рухнул в траву. Рыжий наконец осознал, что ситуация вышла из-под контроля, и замер в том самом ступоре, в какой привык вгонять жертв. Не помогло. Сергей, выплескивая адреналин, выполнил упражнение до конца. Прыгнул вперед, Рыжий шахрахнулся, искривив лицо, и рухнул на спину. Сергей вонзил клинок в грудь...

— А-а!

Сзади подлетал Чумазый, отчаянно визжа и выставив вперед острия зажатых в обеих руках шил. Прыгнул на Сергея... И удивленно захрипел, наткнувшись на выставленное вперед лезвие клинка. Упал на колени, сжался в комок и затрясся. Потом затих. Из-под него потекла черная кровь.

Тяжело дыша, Сергей остановил свое смертоносное движение и оглянулся. На холмике лежал на спине Длинный с разрубленной шеей. Мертвый. Рядом распластался Рыжий. Мертвый. У ног скорчился Чумазик. Мертвый.

Сознание начало медленно абстрагироваться от реальности...

— Парень...

Подойди Кузьмич немного раньше, когда Сергей был еще в запале схватки, одним покойником стало бы больше.

— Парень, а ты кто?

— Кузьмич... давай я тебе потом объясню...

Ноги наполнились ватой, Сергей стал опускаться на землю...

— Эй, погоди-погоди, — подхватил его Кузьмич, — сначала давай-ка энтих поглыбже заташим. Потом мужицков с дярвени кликну, похороним по-целовечески, чтоб звярье не обьело...

...Сергей отпустил воротник пиджака Длинного, и голова того с глухим стуком упала на землю. Рядом Кузьмич уронил Рыжего. Чумазик уже лежал здесь. Все три неудачливых налетчика были стащены в яму за кустами. Черта с два кто найдет. А потом еще и закопают...

Я убил. Трех человек. Подростков. Судя по написанному в книгах, меня должно тошнить и трести от ужаса содеянного. А вместо этого я чувствую вялое любопытство. Мол, будут ли меня судить или все обойдется? Судя по спокойствию Кузьмича, ничего не всплывет. Черт его знает, двадцать пятый год... Как тут к человеческой жизни относились? И все-таки почему я такой спокойный? Может, все дело в том, что люди нашего времени слишком привыкли к крови и убийствам благодаря ужасникам, боевикам и компьютерным играм? Моральная очерствелость, что ли...

— Не... — неправильно понял его размышления над телами Кузьмич. — Что с них взять-то? Шпана. Ницего путного с собой нет, нябось пропивали все... Разве цто нож... Так я яго уже подобрал...

— Ага, — протянул Сергей и наклонился, привлеченный странным предметом.

Из одежды Длинного торчал уголок светлой кожи, Сергею показалось, книга. Но нет, здоровенный кошелек из новенькой желто-песочной кожи. Шелкнул кнопочкой. Ого!

Внутри были деньги. Много денег. «Удивительно! — съзвил внутренний голос. — В кошельке — и деньги! Кто бы мог подумать!»

Похоже, совсем недавно ребята сорвали солидный куш. Или

Длинный, явно вожак, не доверял сотоварищам и всю казну та-скал с собой.

Толстая пачка странных бумажек: судя по гербу — совдепов-ских, вот только герб не очень похож на советский (земного шара нет, и колосья редковаты) и вместо рублей на купюрах ясно напечатано: один червонец, пять червонцев... Странно... Больше всего купюры походили на деньги из магазина прико-лов — штука бабок... Разберемся потом. В карманчике звенела мелочь: серебряная и медная. А в потайном отсеке... Да, повез-ло... Там, аккуратно обернутые в полупрозрачную бумагу, ле-жали золотые монеты. Семь штук.

Можно жить. Вот только как?

* * *

Поставьте себя на место Сергея. Вы провалились в прошлое. Знаний о нем у вас так мало, что практически, можно сказать, их нет. Вам нужно общаться с людьми. Кем вы представитесь? Задумались? То-то.

Героям книг легко: либо их засылают в прошлое с надежным комплектом документов и легендой, либо им почему-то верят на слово, когда они представляются графами и прочими дворя-нами. Самые везучие оказываются в теле жителя того времени, что снимает все проблемы с натурализацией. А что делать тому, у кого надежных (да хоть бы и липовых) документов нет, леген-ды нет... Врать? На слово-то, может, и поверят... А потом? Ле-генду ведь придется подтверждать. А кем можно назваться, если ни на одного из местных жителей ты элементарно не по-хож и знаний о здешней жизни не имеешь?

Кто я? Крестьянин? Достаточно на руки посмотреть и по-нятно, что трудился ты только на компьютере, от которого мо-золи не появляются. Рабочий? То же самое. Военный? Где вое-вал и с кем? А из всех полководцев Гражданской в голове, как назло, только Колчак. А нет, вспоминаются Котовский и Чапа-ев. Спасибо кинематографу. Вот только трудно назваться воен-ным, если не знаешь, с какой стороны садиться на коня, как правильно перезаряжать винтовку (и какие винтовки тут вооб-ще есть) и тем более где воевали товарищи Котовский с Чапае-вым. Да, и Буденный. О, не так уж и мало я помню. Но все рав-но, военным не прикинешься. Чиновник? Чиновник чего? Ни одного названия местных ведомств я не знаю, гусиными перья-

ми писать не умею. Попы, дворяне не рассматриваются: тогда («Сейчас», — въедливо уточнил внутренний голос) у власти были большевики, а они ни тех ни других не любили. Представлять, как ты попал в прошлое и поимел кучу приключений, — легко. А вот попади сам... И придумывать надо быстрее. Деревня уже близко...

Сергей трясся в телеге, ведомой рыжей (вернее, все-таки гнедой, как выяснилось по кличке Гнедко) кобылой (то есть мерином — все же некоторые элементарные вещи были неизвестны нашему герою). Кузьмич сидел на прежнем месте, неудобно повернувшись боком. Как сначала показалось Сергею — чтобы следить за кустами. Когда же в ответ на резкое движение Сергея Кузьмич дернулся, как ужаленный, и ухватился за топор, стало ясно, что он просто боится повернуться к непонятному попутчику спиной. Срочно нужно придумывать легенду, пока в деревне осмелевший Кузьмич вместе с соседями не скуртил и не сдал властям. Или не закопал в лесу...

Хорошо, обратимся за опытом к коллегам-попаданцам. В истории таковые неизвестны, значит, вспомним все книги с таким или похожим сюжетом. Должна же быть польза от всей той прочитанной макулатуры с мечами и магией!

Сразу отбросим те книги, где герой попадает в другое тело. К сожалению (или к счастью), мое тело при мне. Не надо мучительно привыкать, что тебя отныне зовут каким-нибудь Жирятой или Зуркарнароном. Можно также вычеркнуть те произведения, где героя отправляют в прошлое из института времени или чего-то подобного, а также те, где в прошлом оказываются во исполнение некоего пророчества и за попаданца сразу берутся учителя и помощники. Что у нас в сухом остатке? Немного. Герои всего остального всплывшего в памяти массива книг появляются в другом мире в неких экстремальных ситуациях. Либо идет война и всем все равно, откуда взялся непонятный тип — бери винтовку (или меч) и в бой. Либо несчастный сразу попадет в тюрьму, как бродяга, откуда умудряется сбежать, как бы легализовавшись. Не надо такого счастья: не повезет, и будешь сидеть десять лет. Либо (последний вариант) находится кто-то добрый, как правило, старик, который помогает бедолаге найти свое место в мире. Так, уже хорошо. Старик есть. Остается только объяснить ему, почему я ничего не знаю об окружающей действительности, и уговорить стать моим сенсеєм... Погодите-ка.

А зачем притворяться кем-то, кого легко могут разоблачить «сослуживцы»? Надо найти роль человека, который и не может знать ничего из происходящего вокруг. Подумаем. Самый простой вариант — амнезия. Мм... Не подходит. Не похож я на потерявшего память — ни следов травм, ничего. Да и память придется «возвращать», иначе запрут в дурку. А какие здесь психушки, бог его знает. Может, хуже тюрьги. Еще вариант — иностранец. Опять мимо. Большевики всех иностранцев считали шпионами. И опять-таки наткнешься на земляка, а ведь из всех иностранных языков знаю один английский, и тот на уровне «Ландон из зэ кэпитэл оф Грэйт Бритн». Так, что еще? Кто не может знать ничего из происходящего вокруг? Ну кроме пришельца из будущего? Ха, пришелец с другой планеты! Нет, тоже не вариант. Инопланетяне еще не в моде, и, значит, снова дурка. Тогда кто? Тот, кто просидел всю жизнь взаперти? Зэк? А где тюрьма находилась, какие порядки в здешних тюрьгах? Мимо. Отшельник? Всю жизнь в келье... Опять, где келья, какие знаешь молитвы? Мимо. Плюс еще нужна личина, вроде бы всем известная, чтобы не возникало вопроса: «А это кто?» Иначе представишься престижитатором и замучаешься объяснять, чем ты занимался. Плюс (желательно) образ должен вызывать жалость, но не презрение. Русские люди (крестьяне в особенности) хорошо относятся к несчастным и убогим и с удовольствием помогут. Так, что мы имеем с гуся в остатке?

Человек, всю жизнь проведенный взаперти не по своей воле (чтобы жалче было), понятия не имеющий, где находилось место заточения... Кто это? Зэк с амнезией. Уже было. Не подходит. Так, думаем... Человек провел всю жизнь взаперти... Значит, с самого детства... Значит, не по своей воле... Похищенный ребенок! Так-так-так... уже что-то вырисовывается... Похищенный кем? Цыгане? Не пойдет, они все время кочуют, что я, до двадцати пяти лет с ними тусовался? Тогда кем? Кто еще крадет детей? Извращенцы? НЕТ! Жертвой извращенцев я даже представлять себя не хочу! Ну кто, кто еще? И не просто похитили, воспитали в своем духе, с мечом научили обращаться... Кто же это такие? Стоп-стоп-стоп... Ух ты, придумал! Секта!

Идеально! Все секты никто не знает, тем более они скрываются. Значит, можно придумать какую-то новую, совсем уже тайную, никто и не заподозрит неладное. Держат своих членов в секретном месте, значит, где оно находилось, сказать не могу. Так, держали взаперти — ничего из происходящего не знаю.

Так, учили обращаться с мечом, молитвам не учили... Ну вот такая странная секта. Так, украли в детстве... нет, продали родители (так жалостнее)... никуда не выпускали, поили наркотиками... Жалость хлещет через край, все плачут! Идеально!

Так Сергей из менеджера по продажам и члена «Вьюги лезвий» превратился в жертву неизвестных сектантов.

* * *

Дорога за время, пока Сергей рассказывал свою историю ошалевшему Кузьмичу, раздвоилась, и теперь колеса телеги мешали грязь в узком коридоре из кустов, смыкавшихся над головой. Сергей, сначала мучительно подбиравший слова, в конце концов разошелся (уж в чем в чем, а в умении плести всякую чушь люди XXI века равных себе в истории не знают), да так, что приходилось иногда притормаживать самого себя.

Секта, в которую его продали родители, бедные крестьяне (Сергей четко помнил, что рано или поздно придется столкнуться с большевиками и крестьянская родословная будет лучше, чем графская в иных фантоманах), называлась Белое братство и возглавлялась великой и ужасной Марией Дэви Христос (Сергей подумал, что лучше не придумывать свое, а взять уже известное). Купленных детей держали в непонятном здании в глухом лесу (здание и окружающая природа были взяты из воспоминаний о детском лагере), учили сражаться на мечах и называли Последней армией Бога (название всплыло из глубоко забытого фэнтезийного романа). Где находилась сектантская база, Сергей сказать не мог, так как их никогда не выпускали и периодически поили зельем, от которого шумело в голове и хотелось смеяться (симптомы наркотического опьянения известны в наше время любому студенту по личному опыту). Несколько дней назад их собрали, сказали, что время Последней битвы наступило, после чего угостили ударной дозой вышеупомянутого пойла. Очнувшись в темном фургоне, Сергей явственно осознал, что участвовать в битве с нехорошим названием он не хочет, выкатился из телеги, заполз в кусты и потерял сознание. Что произошло после прихода в себя, Кузьмич уже видел, рассказывать это было лишним. Тем более что дорога наконец-то выползла из сырых зарослей, обогнула огромный куст, который, похоже, всем было лень вырубить, чтобы спрямить путь, и вот она деревня Козья Гора во всей своей красе.

Гора действительно была козья. Сразу за кустом дорога так резко рванула вверх, что стала похожей на стену. Как на нее лошади взбираются? На этом косогоре и начиналась деревня. Мерин шустро поднялся по откосу. На верхушке холма дорога круто переломилась и не менее отвесно рухнула вниз. Только для того, чтобы опять лихо взмыть к небу. Вот на этих буераках и жили люди.

Деревушка была не из больших, на пять изб. Одна под горой, остальные разбросаны по обе стороны улочки на косогорах. Впрочем, особой косины там, где стояли избы, не наблюдалось. Дома были выстроены на один манер: три окна обращены к улице, вокруг выстроен забор, за которым виднеются постройки. Очевидно, свинарник, коровник... Что там еще? Курятник? Тут и там — квадраты огородов, обнесенных хлипкими заборами из двух параллельных жердин. Между всем этим — пустыри с привязанной скотиной, кусты, деревья... Стены некрашеные, различные оттенки черного и темно-серого, сразу видно, что дома не один год стоят под солнцем и дождем. Крыши крыты, судя по всему, бурой прошлогодней соломой. Разве что вон та изба, стоящая на дальнем краю улеса, започулила серую крышу из оцинкованного железа... Да... Нищета...

Сначала Козья Гора показалась Сергею, привыкшему к многолюдству и толчее, вымершей. Даже собаки не лаяли...

Стоило только подумать — и тут же из первого дома выкатился меховой шарик и голосисто залаял.

— Ну, Тимка, ня балуй! — прикрикнул Кузьмич добродушно.

Тимка, отработав положенную программу оповещения хозяев, резиновым мячиком запрыгал вокруг.

Телега свернула вправо и остановилась у дощатой калитки небольшой избушки, казалось вросшей в землю.

— Хозяйку поищу, — сполз с телеги Кузьмич, — поесть соберет...

Сергей, по дороге выпросивший табачку (курить хотелось, аж уши пухли), неловко свернул самокрутку и чиркнул спичкой... Мама! Яд... кха... ядреный табачок... Клубы дыма повалили изо рта, как у Змея Горыныча. Но лучше уж эта отравка, чем совсем без курева. Самокрутка дотлела наполовину, но хозяйин с хозяйкой как сквозь землю провалились. И Тимка убежал.

— А обещали покормить...

— Дядя, а ты кто? — слышалось сзади.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. ДЕРЕВНЯ	33
Часть вторая. ГОРОД	198
Часть третья. МОСКВА	487
<i>Эпилог</i>	499